

Су Цзинчэнь только сейчас, заговорив о романе, вспомнил о задании, и его прежнее хорошее настроение заметно померкло. Самый первый текст я начал писать еще в восьмом классе.

Гу Яньфэн был удивлен. Им обоим скоро предстояла преддипломная практика на четвертом курсе, выходит, Су Цзинчэнь пишет уже почти восемь лет. Чтобы человек был готов платить такую цену, в нем должна быть необычайная одержимость.

— Сколько всего книг написал? — снова спросил Гу Яньфэн.

— Семь. Были и про школу, и про постапокалипсис, и про космос, единого стиля нет, — Су Цзинчэнь решил сразу предупредить его. Он считал, что скрывать это бессмысленно: им еще предстоит обсуждать всё это, а возможно, даже искать способы пройти уровни.

— Довольно много, — отозвался Гу Яньфэн. Если вычесть год интенсивной подготовки к выпускным экзаменам, получается по книге в год.

Гу Яньфэн не знал, быстро это или медленно, но Су Цзинчэнь учился с ним в одном университете, где нагрузка была огромной. Успевать при этом писать семь романов — значит, Су Цзинчэнь действительно предан своему делу.

— Да и объем там небольшой. Печатаю я быстро, — скромно добавил Су Цзинчэнь.

На самом деле в восьмом классе он писал мучительно медленно. В романе было всего несколько десятков тысяч слов, но Су Цзинчэнь возился с ним почти год. Тогда он выкладывал главы по мере написания, и, не имея читателей, ломал голову, почему же выходит так плохо.

Хлебнув сполна разочарований, он стиснул зубы и довел дело до конца, в итоге с нуля поднявшись до трех добавлений в библиотеку. Позже скорость возросла, он стал писать по книге за каникулы. Настрой стал лучше, он перестал обращать внимание на раздражающие голоса, но навязчивая мысль о том, что он пишет посредственно, не давала покоя. Она была словно петля, затягивающаяся всё туже, и с приближением выпуска почти лишала его возможности дышать.

В голове у Гу Яньфэна крутилась куча вопросов. На какой платформе подписан контракт? Какой месячный доход? Хватает ли на жизнь? Какой псевдоним? Но, когда слова уже готовы были сорваться с языка, он промолчал. Это было бы невежливо. Гу Яньфэн чувствовал, что их отношения еще не достигли той стадии, чтобы спрашивать о заработках, а подобные вопросы звучат как сомнение в профессионализме Су Цзинчэня. Если человек принял такое важное решение, значит, он уверен в своих силах. Не стоило задавать такие вопросы, выказывая недоверие.

— Но если не удастся пройти уровень... — Гу Яньфэн осекся. Согласно контракту, он не мог раскрывать детали сновидного перемещения, поэтому замолчал.

Су Цзинчэнь стремился к иному, значит, его контракт отличался, а последствия могли быть куда серьезнее. Гу Яньфэн подумал: возможно, Су Цзинчэню не нужно отдавать столь дорогую цену — собственную жизнь, поэтому он так легко согласился на перемещение. Эта мысль показалась ему весьма вероятной.

— Это мой роман, как я могу его не пройти? — Су Цзинчэнь вымученно улыбнулся, но в этой улыбке уже не было прежней уверенности.

Он бегал уже пол-ночи, но до сих пор не прошел даже первый уровень. У задания не было шкалы прогресса, он даже не знал, правильно ли всё делает. Система лишь требовала преподнести принцессе подарок, но какой именно? Сколько их нужно? Ни слова. Он три года играл в игры в университете, неужели всё так плохо, что он застрянет на собственной первой книге? Су Цзинчэнь впервые засомневался в себе.

— Ты умрешь, если не справишься? — прямо спросил Гу Яньфэн. Он не знал, нарушает ли это правила, но хотел получить четкий ответ.

Однако встревоженный Гу Яньфэн упустил из виду важность контекста. Поэтому его слова прозвучали для Су Цзинчэня иначе. Люди смертны, это понятно. Он решил, что Гу Яньфэн спрашивает: умрет ли он, если перестанет писать?

— Да, — твердо и философски ответил Су Цзинчэнь. — Человек живет лишь для того, чтобы в конце концов умереть.

Гу Яньфэн промолчал. Он подумал, что Су Цзинчэнь ответил невпопад. Но тут же осознал: даже если Су Цзинчэню не приходится платить жизнью, он наверняка отдал что-то очень ценное за этот шанс.

— Слышал такую фразу? Некоторые умирают в двадцать, а следующие шестьдесят лет просто повторяют свою жизнь, — не дожидаясь ответа, Су Цзинчэнь повернулся и зашагал вглубь леса.

Миновав деревья и кустарники, они вышли на небольшую детскую площадку: горка в форме слона, качели-облака, карусель и миниатюрное колесо обозрения, полное сладостей. Гу Яньфэн не ожидал увидеть подобное в романе Су Цзинчэня. А ведь если подумать, детство Су Цзинчэня было куда счастливее. У него самого была лишь бесконечная учеба, а Су Цзинчэнь мог посещать любые кружки. Гу Яньфэн учился, чтобы управлять компанией, а Су Цзинчэнь — ради собственного удовольствия.

Су Цзинчэнь сел на качели, слегка раскачиваясь, и не смотрел на Гу Яньфэна. Казалось, он хотел что-то сказать, но счел это неуместным.

— Но тебе не обязательно... — Гу Яньфэн запнулся, не зная, как закончить мысль. Он не слышал таких пессимистичных рассуждений, но считал их слишком упадническими для

студента в самом расцвете сил.

Су Цзинчэнь вздохнул, слез с качелей и подошел к карусели. Вокруг ни души, мир грез, но он не стал запрыгивать в обуви, а сел на ступеньки и начал развязывать шнурки. Тяжелые кожаные сапоги принца с блестящим металлом и инкрустированными бриллиантами выглядели до нелепости вычурно. Медленно расстегивая пряжки, словно в замедленной съемке, он спросил:

— Ты когда-нибудь просыпался после целой ночи снов, не понимая, какой мир реален?

Гу Яньфэн молчал, но Су Цзинчэнь понял, что тот согласен.

— А бывало, что в утренней спешке в метро, когда в ушах звенит от шума тоннеля, на секунду кажется, что это уже было вчера или в прошлом месяце? — Су Цзинчэнь снимал обувь очень осторожно, словно все силы уходили на эти слова.

Гу Яньфэн сел на соседние качели и снова промолчал. Су Цзинчэнь знал, что у того такие же чувства.

— Но такие повторяющиеся дни будут завтра, послезавтра. И, возможно, через десять лет все останется прежним, — самым спокойным тоном он произнес самое жестокое утверждение.

Гу Яньфэну стало не по себе. Та же съемная квартира, то же метро, та же работа, никаких перемен. И так сорок лет до самой пенсии. А ведь это не учеба, где все знают: перетерпишь — и в университете станет легче.

— А когда работа заканчивается, мы начинаем умирать, — сказал Су Цзинчэнь и усмехнулся. Смех был низким, глухим, похожим на сдерживаемые рыдания.

Воздух словно застыл. Гу Яньфэн почувствовал, как перехватило дыхание. Работа оказалась совсем не такой, как он мечтал. Он надеялся проявить себя, но обнаружил, что 90% знаний из вуза не нужны. Старался, работал сверхурочно, а результаты оказывались бесполезны. В какой-то момент он даже подумал, не тратит ли он зря электричество компании.

Су Цзинчэнь сбросил сапоги на землю. Без них левая нога почувствовала себя свободной, словно дикарь. Но он не был дикарем, ведь оставался в носках — нужно было сохранить хоть каплю приличия.

— У фильма есть начало и финал. У романа — первая и последняя главы. Почему же люди так цепляются за те пятьдесят-шестьдесят лет жизни до самой смерти? — Су Цзинчэнь торопливо скинул второй сапог. Освободившись от тяжести, он почувствовал себя лучше. — Конечно, при условии, что на мне нет семейных обязательств.

Гу Яньфэн молчал, сжимая веревки качелей так, что побелели костяшки. В старших классах родители Су Цзинчэня развелись. По причинам, неизвестным Гу Яньфэну, никто из них не захотел брать его под опеку. Но зато и Су Цзинчэню не нужно было заботиться о них в старости.

Гу Яньфэн почувствовал, как заныло сердце, а Су Цзинчэнь, сбросив сапоги, ощутил невероятную легкость. Он вскочил на карусель и выбрал самую красивую белую лошадку. Карусель кружилась вверх-вниз, круг за кругом — точь-в-точь как взлеты и падения в жизни. Казалось, что движеешься вперед, а на деле — топчешься на месте.

— Я не думал, что слава так далека, но это был бы шаг вперед. Теперь, когда передо мной такой шанс, если я не воспользуюсь им, буду жалеть всю жизнь. Чем это тогда отличается от смерти? — сидя на сказочной карусели, Су Цзинчэнь был предельно собран.

В этом мире всегда приходится чем-то жертвовать. Разве отличники, корпящие над учебниками до рассвета, не знают, что это вредит здоровью? Разве трудоголики, сбивающие биологические ритмы перелетами через полмира, не понимают, что нужно себя беречь? Разве бьюти-блогеры, стирающие губы до онемения сотнями помад, не знают, что это портит кожу? Но что толку знать? Если не ухватиться за каждый миг, пока есть шанс, то какой смысл прожить сто лет в серости?

Су Цзинчэнь не отрицал важности здоровья, он согласен, что нужно себя любить. Но когда выпал такой редкий шанс, отказ от писательства показался ему страшнее смерти.

Гу Яньфэн встал, желая подойти ближе, но, оглядевшись, понял, что удобнее качелей места нет. Он развернулся, чтобы видеть Су Цзинчэня, вращающегося на карусели.

— Но тебе не нужно было так... — начал было Гу Яньфэн, но Су Цзинчэнь перебил его.

— Я написал семь книг, — вздохнул тот. — Ты не поймешь.

Если бы успех давался легко, ему не пришлось бы искать такие крайние пути.

— Но... — снова попытался Гу Яньфэн.

— Ты понимаешь, каково это: как бы ты ни барахтался, ты не можешь выплыть на берег, море сдавливает грудь, воздуха не хватает, и ты медленно идешь ко дну? — В глазах Су Цзинчэня была безнадежность, а на губах — жестокая усмешка.

Гу Яньфэн впился пальцами в веревки качелей. Закусил губу так, что она побелела, а потом выступила капля крови. Когда кровь потекла, он вздохнул с облегчением. Хорошо, что слезы не

пролились.

— Я хочу остаться, — Су Цзинчэнь, погруженный в свои мысли, не заметил состояния Гу Яньфэна.

Эти слова прозвучали спокойно, но Гу Яньфэну показалось, что Су Цзинчэнь вложил в них остатки своей жизненной силы. Они были разными. Жизнь Су Цзинчэня — это борьба, но сила, которой он не мог противостоять, тянула его на дно. Гу Яньфэн знал, что он сам — обреченный неудачник, который никогда не получит желаемого. А Су Цзинчэнь был как кусок дерева, плывущий по морю, — безжизненный, но выпустивший крошечный зеленый росток. Даже такой маленький росток потряс омертвевшее сердце Гу Яньфэна.

Человек в воде перестал бороться, он ухватился за это дерево и был готов встретить шторм вместе с ним.

Гу Яньфэн понял всё. Он достал из кармана кольцо, надел на безымянный палец и серьезно произнес:

— Я принимаю твоё предложение, принц.

— Что? — Су Цзинчэнь опешил, не понимая, о чем речь.

Вдруг бриллиантовое кольцо на пальце Гу Яньфэна ослепительно вспыхнуло. Луч света скользнул к пальцу Су Цзинчэня, превратившись в точно такое же кольцо.

[Поздравляем! Успех.]

[Благодаря неустанным стараниям принца принцесса была тронута и с радостью приняла подарок, полный любви.]

Эти системные сообщения стали искрой, взорвавшей пороховую бочку. Су Цзинчэнь наконец понял: условие прохождения — не бесконечные подарки, а одно-единственное слово принцессы: «Я принимаю». Невероятно, что главный босс все это время был рядом.

— Твою ж мать! — Су Цзинчэнь соскочил с карусели, но замер на лестнице. Без обуви он не хотел ступать на землю, а надевать сапоги было уже неэффективно. Он стоял на нижней ступеньке и выпалил: — Ты просто кунжутный шарик с черной начинкой! Снаружи — белое платье принцессы, а внутри — сплошная чернота!

Гу Яньфэн промолчал. Упоминание платья принцессы тоже вывело его из себя. Все мысли о том, чтобы проявить понимание, улетучились, и он процедил сквозь зубы:

— А ты не хочешь поразмыслить над тем, что за странный роман ты написал?

Кто еще додумается сделать мужчину принцессой и заставить его вжиться в эту роль?

— Думаешь, я хотел? Я сам не понимаю, как так вышло, — Су Цзинчэнь чувствовал себя глубоко оскорбленным. Красавица исчезла, а ему, натуралу, пришлось так долго ухаживать за другим мужчиной.

Хуже того, все персонажи его романа были влюблены в Гу Яньфэна. Разве NPC не должны поклоняться своему создателю? Су Цзинчэнь был в ярости. Но, узнав от системы, что принцессой стал Гу Яньфэн из-за его собственной ошибки в выборе пола персонажа, он понял, что винить некого.

Вспомнив Гу Яньфэна в женском платье, он невольно улыбнулся.

— Ты еще и смеешься? — Гу Яньфэн вскочил с качелей, едва не лопааясь от гнева.

— Давай объявим ничью. Мы теперь в одной лодке, давай каждый сделает шаг навстречу друг другу, а? — Су Цзинчэнь, зная свою вину, первым пошел на попятную с примирительной улыбкой.

Гу Яньфэн отвел взгляд, не сказав «да», но молчанием признал поражение и снова сел на качели. Его раздражали такие люди, как Су Цзинчэнь: пользуются своей внешностью, вечно улыбаются, заставляя переживать, что отказ их расстроит. Ему больше нравились честные схватки в бизнесе, где каждый полагается на свои навыки, а не на красоту. Гу Яньфэн замолчал, сдерживая гнев. Су Цзинчэнь, видя это, тоже закипел. Он ведь уже переступил через себя, чтобы задобрить его, а этот «черный шарик» еще и нос воротит!

[Второй уровень: Восхваление принцессы.]

[Задача: Вы глубоко очарованы красотой принцессы, пожалуйста, похвалите ее внешность (не менее 100 иероглифов) и доставьте ей удовольствие.]

[Награда: Случайная (заменена на накопление очков).]

[Наказание за провал: Удар молнией.]

Су Цзинчэнь опешил. Задача сложная, а награда — сущие гроши.

— Я сейчас так зол на него, а должен хвалить? — Су Цзинчэнь решил, что его терпение заслуживает медали. — Нельзя заменить задание? Мне кажется, домашнее насилие над принцессой сейчас было бы куда уместнее.

Гу Яньфэн промолчал. Только что договорились о перемирии, он даже согласился, а этот тип снова нарушает мирный договор и хочет его поколотить?! Мужские обещания — пустой звук.

[Замена задания невозможна.] — система была непреклонна.

Су Цзинчэнь вздохнул и начал обуваться. После второго уровня, вероятно, скоро появится злой дракон. К счастью, оружие уже при нем.

— Ах, прекрасная принцесса, ты словно фея, спустившаяся с небес, самый нежный цветок в саду. Твои черные как шелк волосы... в твоих глазах скрыты мириады звезд, что заставляют меня... — Его страстную декламацию прервал сигнал системы.

[Внимание! Внимание! Ваши слова вызывают у принцессы дискомфорт, уровень симпатии снижен на 10 очков.]

Су Цзинчэнь не удивился. Взглянув на Гу Яньфэна, он увидел сдвинутые брови. В его острых черных глазах не было никаких звезд — только тысячи лезвий, готовых вонзиться в Су Цзинчэня. Тот, конечно, понимал, что говорит ерунду, но сделал невинное лицо:

— Я же хвалю тебя, неужели не нравится?

Гу Яньфэн едва не задохнулся от возмущения и твердо напомнил общеизвестный факт:

— Я — мужчина.

— Но по сюжету ты — принцесса, — Су Цзинчэнь прекрасно знал, что перед ним талантливый, красивый, богатый мужчина, стажер в семейной компании. Но это не отменяло того факта, что в книге он — главная героиня.

Гу Яньфэн открыл рот, но не нашел, что ответить.

<http://bllate.org/book/21619/2230183>